

Ш-379

34106

М. Шевченко

З ЩОДЕННИКА

ціна 50 коп. 3075

V.N. Karazin Kharkiv National University

00275298

9

„РАДЯНСЬКА ЛІТЕРА

66

ІНСТИТУТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

Ш 379 343
Т. ШЕВЧЕНКО

З ЩОДЕННИКА

РЕДАКЦІЯ, ПЕРЕДМОВА І ПРИМІТКИ
Ю. БЛОХІНА

перевірено
ЦНБ 1981

перевірено
ЦНБ 1982

м 31106
1/2 40.

т

31106

ДЯНСЬКА ЛІТЕРАТУРА

1934

8
ЛІНА НАУЧ
БІБЛІОТЕКА

Редактор—А. Паніз.
Оформлення—Я. Руденський

Видання № 68. Уприн. Головліту № 781. 17-II 1934. Зам. № 670
Тираж 27.000. 3 друк. арж. 62 < 94 $\frac{1}{32}$ Передано до складання 25/II. 1934.
Підписано до друку 5-VIII 1934. Надруковано в друкарні ДНТБУ. Харків.

ПЕРЕДМОВА

Росію 30—50 рр. XIX віку роздирали протиріччя загостреної класової боротьби. Селянські рухи дедалі сильніше розхитували основи феодального устрою і особливо зросли в 50-тих роках, загрожуючи перетворитися на загальну селянську революцію. В напруженій атмосфері боротьби закріпаченого селянства із поміщицько-феодальним устроєм на арену класових боїв виступає великий поет, революціонер-демократ, Т. Г. Шевченко.

„Вийшовши з найпригнобленіших верств українського покріпаченого селянства, стиснутого лещатами соціального та національного гніту, відчувши на собі самому весь гнітючий тягар поміщицько-кріпацького укладу, Шевченко своєю творчістю приніс в українську літературу могутнє обурення й зненависть проти гнобительського ладу, палкий гнів і бажання помсти, що глибоко запеклися в грудях уярмленого панами й царатом селянства“. (Тези Культпропу ЦК КП(б)У).

В зв'язку з піднесенням революційної активності селянських мас у кінці 50-тих та на початку 60-тих років у Шевченковій творчості 1857—61 рр. особливо загострюються політичні мотиви, лунають заклики до збройного повалення царизму і до знищення всієї системи панівного соціального ладу („Я не нездужаю, нівроку“, „Подражаніє Іезекіілю“, „Осії гл. XIV“, „Во Іудеї“, „О люди, небограки“ та інші). Рішуче виступає Шевченко проти замилювання очей ліберальними реформами („Колись то ще, во время оно“), закликає до боротьби із класовим знаряддям експлуаторів — церквою („Гімн черничий“, „Світє ясний“, „Юродивий“ та інші).

Шевченко здобув собі великої популярності як поет. Але не кожному відомо, що Шевченко, крім поезій, написав ряд повістей та „Журнал“, тобто щоденник, уривки з якого ми тут подаємо. Майже половину своєї літературної продукції — всі повісті, щоденник і деякі поеми — Шевченко написав російською мовою. І це надто не до смаку українським націоналістам. „Національний пророк“, „Апостол національного відродження“ і... російська мова в найінтимніших, найширших рядках щоденника. Конфуз для панів Єфремових різних гатунків. І от, спотворюючи ідейне обличчя поета, Єфремов твердить: „Російські оті

повісті й були для нього лиш сурогатом, скажу так, творчості"... „Він так легко прохово до своїх російських творів". Оскаженілий фашист, вождь націоналістичної контрреволюційної організації СВУ, хотів цим, як і всією своєю шкідницько-контрреволюційною „критичною" і „редакційною" роботою коло творів Шевченка накинати Шевченкові націоналістичну ворожість до російської мови, хотів препарувати, сфальсифікувати Шевченка, зробити з нього пророка націоналізму. Інший контрреволюціонер, Річицький, у своїй книжці „Тарас Шевченко в світлі епохи", більш тонко підходить до препарування Шевченка. Прикриваючись, підфарбовуючись під марксиста, провадить він свою контрреволюційну роботу, висуває тезу „революційного націоналізму", що нібито властивий упослідженим трудящим масам. Цей фашист усіх зусиль докладає, щоб показати Шевченка носієм цього „хорошого", мовляв, націоналізму. Старанно замовчує Річицький зв'язки поета з російською революційною демократією, старанно обходить і щоденник та Шевченкові твори російською мовою. Але така націоналістична фальсифікація Шевченка не заважає шкідникові Річицькому висмикнути із Шевченкової продукції російською мовою окремі фрази, щоб посилити свою фашистську концепцію „революційного націоналізму" Шевченка.

Насправді ж елементи націоналізму, що в у світогляді Шевченка, якраз були перешкодою на революційному шляху поета. Білоруська наука не потребує замазувати цього факту. І не менш безперечним є й те, що Шевченко в міру свого дальшого ідейно-політичного росту переборював націоналізм, закликав трудящих пригноблених націй до спільної боротьби із царською державою, паплюжив своїх „рідних“ українських панів. І що-білоруський і тісніший ставав його зв'язок з революційною демократією, то глибшала й заострювалась його революційна свідомість.

Як показує ряд фактів, Шевченко був у близьких взаєминах з російськими революційними-демократами — особливо в кінці 50-х і початку 60-тих років, — такими, як Чернишевський, Добролюбов і інші. В тісному контакті з ними виступає Шевченко проти феодально-дворянського ладу. Російська мова для нього була таким же знаряддям класової боротьби, як і українська. В щоденному він розповідає про свої плани написати поему „Сатрап и дервиш“. І жалкує при тому, що не може написати її російською мовою, яку гірше знає, ніж українську. Листування Шевченка свідчить, що він не ставився до російської чи до польської мови вороже, до націоналістичному.

„Журнал“, як назвав свій щоденник Шевченко, розпочав він 12 червня 1857 року, перебуваючи на засланні в Новопетровській фортеці. Звістка про близьке звільнення із заслання підбадьорила Шевченка, стала за стимул у піднесенні його творчої праці. Першим виявом творчого піднесення і були рядки щоденника. Початок цієї насиченої революційним змістом книги присвячений змалюванню гнітючого казарменого режиму Новопетровської фортеці, характеристики палочної дисципліни, що панувала в армії Миколи І. А поруч цього — радісні надії на близьке звільнення, мрії про майбутнє життя на волі... Дуже характерні, типові для Миколаївської Росії, картини гніту малюють перші сторінки щоденника, і тим ці сторінки особливо цікаві для нашого читача. Повертаючись із заслання, поет продовжує щоденник. Перебування в Астрахані, подорож пароплавом Волгою, місяці перебування в Нижньому-Новгороді, вичікування дозволу повернутися до столиці, перебування в Москві, нарешті життя в Петербурзі, — ось канва, що на ній розгортаються події поетового життя, відбиті в щоденнику.

„Я сам думав, що я вже зледащів, захолов у неволі. Аж бачу — ні. Нікому тільки було огню положить під мое, горем недобите, старе

серце", — каже сам про себе поет (лист до П. Ку-
харенка від 5/VI—57 р.). Десять років заслання
не згасили в ньому завзяття революціонера-
борця. Сторінки щоденника рясніють гострими
виступами проти царя, уряду, поміщицтва,
церкви. Царів завжди наділяє поет зневажли-
вими, гострими епітетами. Миколу I називає він
„фельдфебелем“, „неудобозабываемым тормо-
зом“, „коронованным фельдфебелем“, „неудобо-
забываемым фельдфебелем“. Із щоденника ба-
чимо, як Шевченко шукає зближення з колиш-
німи декабристами, як він захоплюється неле-
гальними закордонними виданнями — „Полярная
звезда“ та „Колокол“, як він зачитується поза-
цензурними революційними віршами, що шири-
лися скрізь у рукописах, і переписує їх собі
до щоденника („Собачий пир“ Барб'є, „Рус-
скому народу“, „Когда он в вечность пресе-
лился“, „На улице и длинной и широкой“).
Тут таки, в щоденнику, ми знаходимо рядки,
сповнені гарячої симпатії до селян, що підпа-
лами панського хліба протестують проти помі-
щицької сваволі; але з глибоким болем поет
примушений у своєму щоденнику констатувати
й факти рабської покори кріпаків-селян, що,
замість розправитися з самодуром поміщиком
по своєму, або йдуть жалітися до губернатора,
або складають про свого пана жалібно-тужливі
пісні.

Щоденник Шевченка цікавий тим, що вводить нас в атмосферу напруженої класової боротьби, яка характеризувала кінець 50-тих років XIX ст.

Виняткове значення має щоденник також як біографічне джерело. З нього бачимо, що автор його повертався із заслання не зламаним неволею, а загартованим до дальшої упертої боротьби з царизмом та кріпосницьким ладом. Часто Шевченко згадує у щоденнику про своє колишнє життя: про роки заслання, про період життя в Петербурзі перед засланням. Щирістю, безпосередністю тону, революційною сміливістю щоденник поета вигідно вирізняється з маси автобіографічних тогочасних літературних документів.

Із щоденника бачимо, що Шевченко був висококультурною людиною. Його „Журнал“ рясніє іменами визначних письменників, музик, художників, архітекторів. І це не просто перелік імен. Шевченкові відомо, що являє собою кожен із згадуваних ним митців. Він обізнаний на різномірних утворах мистецтва і з великим смаком їх оцінює. Це дало привід націоналісту Ніковському оголосити Шевченка рафінованим буржуазним інтелігентом - європейцем. В дійсності ж у Шевченка явища мистецтва дістають оцінку, здебільшого продиктовану класовою чуйністю. З тих оцінок виразно прозирає

обличчя революційного демократа, що до всь
явищ життєвих підходить з міркою свого ре
волюційного світогляду. Дуже популярного
в 40 вих роках салонного поета Бенедіктова
„певца кудрей и прочепо тому подобного“
Шевченко таврує зневагою, але пізніший пе
ріод творчості цього поета, коли він змінює
свою соціальну орієнтацію і перекладає рево
люційні поезії Барб'є з французької мови на
російську, викликає прихильну оцінку Шев
ченка. Гоголя високо цінить Шевченко за його
гостру соціальну сатиру „Мертвые души“, з
захопленням відгукується на „Губернские очер
ки“ Салтикова-Щедріна. Подібних прикладів
класового підходу Шевченка-революціонера до
явищ мистецтва можна подати за щоденником
дуже багато. І всі вони показують, що Шев
ченко був висококультурним представником
свого класу — закріпаченого селянства, був
революційним демократом.

Але будши рупором революційних селян
ських мас, Шевченкова творчість водночас
відбивала і дрібнобуржуазну обмеженість се
лянського світогляду. Ця обмеженість позна
чилася і на щоденнику. Кінчає Шевченко
щоденника віршем „Сон“. В ньому з виключ
ною виразністю відбив письменник тугу за
дрібновласницьким селянським ідеалом. Не
розумів Шевченко, що на зміну кріпосницької

форми експлуатації йде капіталістична форма експлуатації. В самій появі машини бачив він уже нову цивілізацію, але ролі пролетаріату не усвідомлює. Машина „пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит“. З особливим захопленням говорить поет про машину: він сподівається, що машина докінчить „то, что начали во Франции энциклопедисты“, тобто здійснить гасла волі, рівності і братерства, які проголошувала французька буржуазія, ідучи в перший штурм на твердині феодального старого порядку. Всю свою класову ненависть Шевченко спрямовує проти поміщика, що до реформи був головним експлуататором селянської праці. А експлуаторську природу купецтва письменник ще не збагнув і по ідеалістичному мрії про те, що купецтво можна виправити їдкою сатирою: „Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная“. (Твори, т. IV, ст. 22). Таксамо не цілком позбувся Шевченко і елементів націоналізму: деякі рештки їх залишаються у поета і за цієї пори.

* *
*

„Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными пресле-

дованнями и зустрічали їх самої дикої злоби
самої бешеної ненавистю, самим бесшабаш-
ним походом лжи и клеветы. После их смерти
делаются попытки превратить их в безвредные
иконы, так сказать, канонизировать их, предо-
ставить известную славу их имени для „уте-
шения“ угнетенных классов и для одурачивания
их, выхолащивая содержание революционного
учения, притупляя его революционное острие,
опошляя его (Ленин. „Государство и револю-
ция“). Соч. 3 изд., т. XXI, ст. 371).

Ці слова Леніна безперечно можна віднести
і до Шевченка. Українській буржуазії, що ніколи
не була революційною, не до нутра були
революційні ідеї Шевченкової творчості. І
вона створює культ „канонізованого“ Шевченка,
перекручує його творчість, викреслює в його
творах те, що не відповідає класовим інте-
ресам експлуататорів. Зокрема ці операції
пророблюються і з щоденником. Українським
поміщикам та буржуазії треба було так обкар-
нати щоденник, до такої міри „притупляя его
революционное острие, опошляя его“, щоб на
підставі щоденника так само, як на підставі
сфальсифікованого і відповідно коментованого
„Кобзаря“, створити культ „батька Тараса“,
смиренного проповідника класового миру та
націоналістичних гасел. І на цей шлях, цілком
свідома своїх класових завдань, стала редакція

„Основи“, що вперше надрукувала „Уривки із щоденника“. „Пускай в напечатанном нами „дневнике“ увидят Шевченка „всего“, проголошували фальсифікатори з „Основи“. („Основа“, 1862, VIII, ст. 20). Який же, на їхню думку, був Шевченко весь? „Только из „дневника“ можно узнать сколько детской искренности... сколько человечности, можно сказать, *благости* (підкреслення мов—Ю. Б.) было в чистом сердце — *нашего Тараса*“ (підкреслення ред. „Основи“). („Основа“. 1861, V, ст. 6). І дійсно, знахабнілі „щирі друзі“ поета: Білозерський, Куліш та інші їм подібні, всіх сил докладають, щоб наповнити щоденник смиренієм, незлобівістю, елейністю. Редакція „Основи“ викреслила із щоденника не тільки те, до чого могла, на її думку, причепитися царська цензура, а взагалі все, що на думку редакції, було в Шевченкові „еретичного“, революційного, все, що показувало його, як ворога панства. Щоб замаскувати революційний зміст щоденника, редакція часто не позначала викреслених рядків ні рисками, ні крапками, подаючи текст так, ніби в ньому йдуть суцільно викладені Шевченкові думки, без жодних пропусків. Звичайно, багато чого із Шевченкового щоденника, не могло побачити світу через царську цензуру, але багато скорочень і пропусків, що ніяк цією цензурою умотивовувати не можна, зроб-

лено „свою“ цензурою, цензурою редакторів і зрозуміло, чому ці скорочення нічим не відзначені. Але найяскравіше виявляється фальсифікація щоденника в підміні Шевченкового тексту. Проілюструємо ці перли фальсифікації прикладами.

Ось, приміром, Шевченко пише про наближення дня військового параду перед лицем „отця-комадира“.

СПРАВЖНИЙ ТЕКСТ

Какое гнусное, грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции.

ТЕКСТ, ФАЛЬСИФІКОВАНИЙ „ОСНОВОЮ“

Какое тягостное грядущее важное событие! Какая бесконечная эта пригонка амуниции! („Основа“, 1861, июнь, ст. 5).

А ось приїзд отця - командира до Новопетровської фортеці:

СПРАВЖНИЙ ТЕКСТ

С пароходом я ожидал Оренбургской почты, а с почтой и свободы. Вышло однако ж совершенно противное тому, чего я ожидал. Пароход почты не привез, а следовательно и волшебного, очаровательного слова. А вместо этого слова привез дело в виде рыжей, весьма не привлекательной персоны, т. е. привез батальонного командира, первым делом которого было

оббегать казармы, надавать зубочисток фельд-фебелям и прочим нижним чинам, даже до профоса. А ротным командирам и прочей официн, смотря по лицу и образу жизни, приличное родительское наставление. И после этого нежного, грациозного вступления назначен был формальный смотр той несчастной роте, к которой и я имею несчастье принадлежать.

... В 7 часов явился во всем своем грозном величии сам судия и испытывал, или, лучше сказать, пытал ее, несчастную, ровно до 10 часов.

ТЕКСТ, ФАЛЬСИФИКОВАННИЙ „ОСНОВОЮ“

С пароходом я ожидал Оренбургской почты, а с почтой — свободы. Вышло однако ж противное тому, чего я ожидал. Пароход почты не привез, а следовательно и волшебного, очаровательного слова... А вместо оного слова привез делов в виде баталионного командира, первым делом которого было оббегать казармы... И после этого вступления назначен был формальный смотр той роте, к которой и я принадлежу. В 7 часов явился во всем своем грозном величии сам судия и испытывал ее ровно до 10 часов. („Основа“, 1861, июнь, ст. 6-7).

Або ось приклад цілковитого вихолощення антицерковницьких рядків Шевченка, в яких він ікони суздальських малярів називає суздальськими ідолами.

СПРАВЖНІЙ ТЕКСТ

О святые, великие, верховные апостолы! Если бы вы знали, как мы запачкали, как изуродовали провозглашен-

ную вами простую, прекрасную, светлую истину! Вы предрекли лжеучителей, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, во имя ваше, так называемые учителя вселенские подрались, как пьяные мужики, на Никейском вселенском соборе. Во имя ваше папы римские воровали земным шаром и во имя ваше учредили инквизицию и ужасное ауто-да-фе. Во имя же ваше мы поклоняемся безобразным суздальским идолам и совершаем в честь вашу безобразнейшую вакханалию.

ТЕКСТ, ФАЛЬСИФИКОВАНИЙ „ОСНОВОЮ“

О святые, великие, верховные апостолы! Если б вы знали, как мы запачкали, как изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, светлую истину! Вы предрекли лжеучителей — и ваше пророчество сбылось: во имя ваше учреждали инквизицию и ужасное ауто-да-фе; во имя же ваше мы поклоняемся безобразию и совершаем в честь вашу безобразнейшую вакханалию. („Основа“, 1861, июнь, ст. 13).

Приклади фальсифікації надто промовисті і не потребують коментарів. А таких прикладів можна було б подати багато. Прикриваючись царською цензурною забороною, проводило українське панство власну цензуру.

В Галичині, де панував буржуазний конституційний лад і цензурні заборони були слабші, українській буржуазії та попівству, спотворюючи Шевченка, не можна було посилатися на цензуру. Проте це не спинило галицьких реакційних зубрів у їхній фальсифікації Шевченка.

О. Огоновський, один із редакторів щоденника, випускаючи його в світ перекладеним на українську мову, писав: „В перекладі пропусків майже нема, окрім хіба двох-трьох фраз, таких, що жодним чином друкувати не можна і ваги вони не мають“. Брехливість цієї заяви Огоновського стає очевидною, навіть коли побіжно переглянути його видання щоденника. Випустив цей „редактор“ саме найбільш соціально-загострені Шевченкові вислови. Випустив він із щоденника і ті революційні вірші Беранже, Барб'є, які користувалися великою популярністю серед російських революційних демократів кінця 50-тих років і які Шевченко записав собі у щоденник. На думку Огоновського „вірші ті, хоч би які вони гарні не були, для біографії нашого поета ваги не мають“. Проголошенням такого твердження Огоновський намагається відгородити Шевченка від російських революціонерів типу Чернишевського, з якими поет так тісно в останні роки свого життя був зв'язаний у революційній боротьбі.

До революції вийшло п'ять видань щоденника, але кожне з них було спотворене олівцем казенних і добровільних цензорів. По-революційне закордонне видання щоденника за редакцією Б. Лепкого, прихильника „чистого мистецтва“, і водночас запеклого націоналіста, було перекладом тексту з випуском

тих місць, що їх не пропустила царська цензура у виданні 1911 року.

1924 року на Радянській Україні „Книгоспілка“ видала уривки із щоденника за редакцією Плевака. В передмові редактор пише: „Мета цієї книжечки познайомити широкого читача — і селянина, і робітника, й учня — з маловідомим скарбом Шевченковим, показати йому головне, важніше з поетового щоденника“. Алеж, крім „головного“, редактор у свою книжечку чимало включив і другорядного, мало характерного для Шевченка і випустив якраз важливі дуже моменти, що характеризують Шевченка як борця-революціонера (приміром, згадка про поміщика — філантропа Н. Д. Білозерського, що „оголив“ своїх селян, нотатки про поміщика Возніцина, „хотя и либерала“, алеж ворога звільнення селян, ряд революційних віршів російською мовою, що ширилися за тих часів в опозиційно настроєних колах, та інше). Але в повній мірі виявив проф. Плевако своє буржуазне обличчя в передмові. Прикриваючись фіговим листочком об'єктивізму, він „підсумовує“ думки буржуазних вчених, націоналістів, про щоденник і стає, по суті, апологетом цих думок. Так, приміром, він цілком виправдує фальсифікаторські прийоми „Основи“.

1925 року вперше видано повний, без цензурних закреслень, текст щоденника за редак-

цією Айзенштока. Передмова, написана редактором, цілком формалістична і відзначається поверховістю. В ній зачеплено цілий ряд проблем, але жодного слова не сказано про революційний світогляд поета, що так виразно відбився у щоденнику. В примітках знову таки поверховість і буржуазний об'єктивізм. Коли деякі маловажливі для розуміння ідейного змісту щоденника примітки переобтяжені зайвим документалізмом, то багато важливих, але малозрозумілих моментів залишаються у щоденнику непоясненими, в самому тексті багато неточностей.

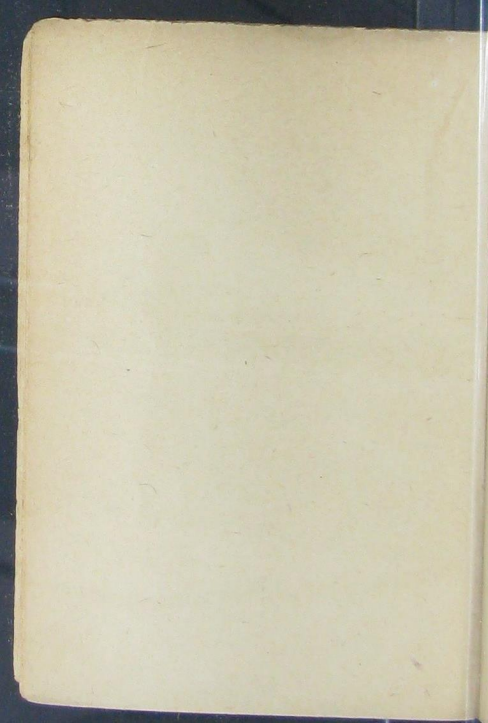
Нарешті контрреволюціонер Єфремов і собі докладає рук до Шевченкового „Журнала“, видаючи його 1927 року під маркою Академії Наук. Всіма засобами замазує Єфремов і в передмові і в примітках революційний зміст щоденника, старанно роздуває Шевченкові зв'язки із „щирими друзями“ — з українським панством, шахрайськими прийомами натягає на нього лахміття націоналізму (яскраві приклади цього — примітки до слів Петербург, гора в с. Гудзівці тощо).

Лише тепер, у справді повному академічному виданні Шевченкових творів, що його готує Інститут Шевченка, у 5 томі, вперше вийде щоденник, очищений від всіляких спотворень, пропусків і перекручень.

Поки немає повного, по науковому підготованого видання щоденника, доводиться задовольняти попит читача цими „Уривками“. До цієї брошури добрано найбільш соціально наскражені, просякнені революційним запалом уривки з Шевченкових записів. Водночас пильновано, щоб із цих записів підібрати цілісні, художньо закінчені уривки. Розмір брошури не дає можливості вичерпати щоденник навіть з погляду поставлених завдань. Текст щоденника подаємо в російському оригіналі, щоб повністю зберегти його цінність, як літературного документу.

Ю. БЛОХИН

УРИВКИ З „ЖУРНАЛУ“

13 июня. Сегодня уже второй день, как сшил я себе и аккуратно обрезал тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый час, утро прошло, как обыкновенно, без всякого замечательного происшествия, увидим, чем кончится вечер. А пока совершенно нечего записать. А писать охота страшная. И перья есть очиненные... А писать все-таки не о чем. А сатана так и шепчет на ухо — пиши что ни попало, ври, сколько душе угодно. Кто тебя станет поверять? И в шканичных журналах врут, а в таком, в домашнем, — и бог велел.

Если бы я свой журнал готовил для печати, то, чего доброго, пожалуй, и искусил бы лукавый враг истины, но я, как сказал поэт наш:

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлечения, для забавы,
Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Мне следовало бы начать свой журнал со времени посвящения моего в солдатский сан, сиречь, с 1847 года¹. Теперь бы это была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшие грустные десять лет, я сердечно радуюсь, что мне не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записал в ней? Правда, в продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удастся видеть. Но как я смотрел на все это? Как арестант смотрит из тюремного решетчатого окна на веселый свадебный поезд. Одно воспоминание о прошедшем и виденном в продолжение этого времени приводит меня в трепет. А что же было бы, если бы я записал эту мрачную декорацию и бездушных грубых лицедеев, с которыми мне привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную десятилетнюю драму?...

14 июня. ...Какое же казусное событие запишу я сегодня? А вот какое. Вчерашний пароход

разрешился порядочным мешком целковых и арапчиков². Это третнее жалованье гарнизона. Офицеры сегодня же его и получили, и сегодня же отнесли его Попову (маркитанту) и спиртомеру (целовальнику), а остальное тоже отослали к спиртомеру и начали кутить или, вернее, пьянствовать. Завтра выдадут жалованье солдатам, и солдаты тоже начнут кутить, т. е. пьянствовать. И это продлится несколько дней сряду. И кончится как солдатская, так и офицерская попойка дракой и наконец курятником, т. е. гауптвахтой.

Солдаты — самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода. Одним словом все. Ему простиительно окунуть иногда свою сирую, одинокую душу в полштофе сивухи. Но офицеры, которым отдано все, все человеческие права и привилегии! Чем же они разнятся от бедняка солдата (я говорю о Новопетровском гарнизоне)? Ничем они, бедные, не разнятся, кроме мундира. И добро бы еще были так называемые старые Бурбоны. А то, ведь, юноши и воспитанники

кадетских корпусов. Хорошо должно быть воспитание? Бесчеловечное воспитание! Зато дешевое. А главное, скорое. Восемнадцатилетний юноша — уж он офицер. Восторг и загляденье матери и опора дряхлого отца. Жалкая мать и глупый отец!

Кажется, казак Луганский³ написал книгу под заглавием „Солдатские досуги“. Заглавие ложное. У русского солдата досуга не имеется. А если же солдат и встречается с ним иногда, то непременно в кабаке. Какая же, спрашивается, была цель прославленного сочинителя писать подобные досуги? И что нравственного в подобных досугах, если они написаны с натуры (я книги не читал)? А если же это просто сочинение, т. е. фантазия, то опять — какая цель подобной фантазии? А не лучше ли бы сделал почтеннейший автор-сих ненужных фантастических досугов, если бы написал истинные досуги линейных, армейских и даже гвардейских молодых офицеров? Этим он оказал бы величайшую услугу чадолюбивым и эполетолюбивым родителям.

19 июня. Вчера ушел пароход в Гурьев и привезет оттуда вторую роту и самого батальонного командира. А по случаю прибытия сюда этой важной особы, остающаяся здесь рота, к которой принадлежу и я, готовится к смотру. Для этого важного грядущего события мне сегодня пригоняли амуницию. Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное на показ? Позор и унижение! Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать на вытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина. И это единственный, опытом дознанный, способ убивать разом тысячу себе подобных. Гениальное изобретение! Делающее честь и христианству, и просвещению!

Странно, что даже благоразумные люди, как например, наш лекарь Никольский, любят посмотреть, как вытягивает носок посиневший от напряжения человек. Не понимаю этого нечеловеческого наслаждения. А наш почтенный

Гиппократ⁴, несмотря на зной и холод, целые часы просиживает у калитки и любит себя унижением себе подобного. Палач ты, как видно, по призванию и только по названию лекарь!

В детстве, сколько я помню, меня не занимали солдаты, как это обыкновенно бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разумения вещей, во мне зародилась неодолимая антипатия к христолюбивому воинству. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего христолюбивого звания. Не знаю случай ли, или оно так есть в самой вещи, только мне не удалось даже в гвардии встретить порядочного человека в мундире. Если трезвый, то непременно невежда и хвастунишка. Если же хоть с малой искрой разума и света, то также хвастунишка и вдобавок пьяница, мот и распутник. Естественно, что антипатия моя возросла до отвращения. И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого христолюбивого сословия! Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни

нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский Корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора, исполнили его с возмутительной точностью...

...Не знаю наверное, чему я обязан, что меня в продолжение десяти лет не возвели даже в чин унтер-офицера: упорной ли антипатии, которую я питаю к сему привилегированному сословию, или своему невозмутимому хохлацкому упрямству? И тому, и другому, кажется. В незабвенный день объявления мне конфирмации, я сказал себе, что из меня не сделают солдата. Так и не сделали. Я не только глубоко, даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приема. И это льстит моему самолюбию. Ребячество и ничего больше! Майор Мешков, желая задеть меня за живое, сказал однажды мне, что я, когда буду офицером, то

не буду уметь в порядочную гостиную войти, если не выучусь, как следует бравому солдату, вытягивать носка. Меня однако ж это не задело за живое. И brave солдат мне казался менее осла похожим на человека. Почему я и мысли боялся быть похожим на brave солдата.

Вторая и не менее важная причина моего неповышения. Бездушному сатрапу⁵ и наперснику царя пригрелось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится, неблагодарный! Откуда эта нелепая басня — не знаю. Знаю только, что она мне не дешево обошлась. Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации⁶, где в заключении приговора сказано: строжайше запретить писать и рисовать.

Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать и сам верховный судья не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений непоясненное в приговоре сам по-

иснил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное, развращенное сердце! И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки, или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славельщики! Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы!

20 июня. Сегодня рота придет в Гурьев, а по случаю полноводия в Урале, она пройдет прямо на Стрелецкую Косу и сегодня же сядет на пароход. Завтра рано пароход подымет якорь и послезавтра высадит роту в Новопетровской гавани. Держись, наша официя. Гроза, гроза ужасная близится. Баталионный командир, подобно тучегонителю Крониону⁷, грядет на тебя во облаце мрачне, в том числе, и на нас бессловесных. В ожидании сего грозного судии и карателя, пропившиеся до снаги блажат и умоляют эскулапа⁸ выдумать и форменно засвидетельствовать их небывалые не-

мощи душевные и телесные, и паче душевные, и тем спасти их от праведного суда громастного Крониона. Но мрачный эскулап неумолим. И только нашего брата солдата, также пропившегося до снаги и не имеющего в чем явиться пред лицо отца-командира, Никольский кладет на койки и прописывает слабительное. Непопулярный эскулап наш намерен сделаться популярным коновалом. Сегодня не без видимого удовольствия сказал смотритель полугоспиталя, что на его попечение, т. е. продовольствие, прибыло семнадцать жильцов. Следовательно, рубль семь гривен в продолжение суток в кармане, не считая отопления и освещения. Не здесь ли скрывается и причина великодушия нашего эскулапа? Шепнуть разве Нагаеву и другим, чающим и не могущим вымолить защиты у жестокосердого эскулапа.

К добру ли это я так сегодня расфантазировался? В прежние годы, в эти истинно критические дни, со мною этого не было. Не было однако же и того, не в похвалу будь сказано, чтобы я прятался под кровом стонов

воздыханий. В этом случае я никогда не искал медицинского пособия. С трепетным замиранием сердца я всегда фабрил усы, обладался в бронь и являлся пред хмельнобагровое лицо отца - командира сдать экзамен в пунктах, в жестких приемах и, в заключение, выслушать кратчайшее и длинейшее наставление о том, как должен вести себя brave солдат и за что он обязан любить бога, царя и своих ближайших начальников, начиная с дядьки и капральского ефрейтора.

Смешно. Потому смешно, что я освоился с этим отвратительным спектаклем. Но каково было прежде, когда я не умел, а должен был выхоронить в самом себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и слушать молча, не краснея и не бледнея, слушать нравственное назидание от грабителя и проповидца! Нет, тогда это не было смешно. Душно! Отвратительно! Дождут ли я тех блаженных дней, когда из памяти моей испарится это нравственное безобразие? Не думаю, потому что медленно и глубоко врезывалось в меня это безобразие.

Странно еще вот что. Все это неисповедное мое горе, все роды унижения и поругания прошли как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась...

25 июня ...С пароходом я ожидал оренбургской почты, а с почтой и свободы. Вышло, однако ж совершенно противное тому, чего я ожидал. Пароход почты не привез, а следовательно и волшебного очаровательного слова. А вместо одного слова привез дело в виде рыжей, весьма непривлекательной персоны, т. е. привез баталионного командира, первым делом которого было оббегать казармы, надавать зубочисток фельдфебелям и прочим нижним чинам, даже до профоса⁹. А ретным командирам и прочей официи, смотря по лицу и образу жизни, приличное родительское наставление. И после этого нежного, грациозного вступле-

ия назначен был формальный смотр той несчастной роте, к которой и я имею несчастье принадлежать. Бедная рота всю ночь готовилась к этому истинно страшному суду, и в пять часов утра 23 июня, умытая, причесанная, накрашенная, выстроилась на полянке, точно игрушка, вырезанная из картона. От 5-ти и до 7-ми часов, в ожидании судии праведного, рота равнялась. В 7-мь часов явился во всем своем грозном величии сам судия и испытывал, да, лучше сказать, пытал ее, несчастную, ровно до 10-ти часов. В заключение спектакля спросил претензию, ругнул в общих выражениях, посулил суд и розги и даже зеленую лею, т. е. шпирутены¹⁰. Для всех гроза прошла, а для меня она еще только собиралась. В числе прочих подтвержденных должен был я предстать после обеда, в 5 часов, на историческое и еще горшее испытание. К этому историческому испытанию я готовился довольно равнодушно, как человек, вполнине свободный. Но когда предстал пред неумолимого экзаменатора, куда что девалось! Ниже малейшей тени, ничего похожего на человека, вполнине

свободного, во мне не осталось. Та же самая мучительная, холодная дрожь пробежала по моему существу. То же самое, что и в прежние годы, чувство, нет, не чувство, а мертвое бесчувствие охватило меня при взгляде на эту деревянную выкрашеную фигуру. Одним словом, я превратился в ничто. Не знаю, на всех ли так сильно действует антипатия, как на меня? Экзамен повторился слово в слово, как и десять лет тому назад, четверти буквы не прибавлено, ни убавлено. Зато и я а ни на йот не подвинулся на поприще военного просвещения. Упорство обоюдное и невозмутимое. По примеру прежних годов, экзаминатор и блюститель нравственности спросил нас по ранжиру, кто и за что удостоился нести сладкую сердцу обязанность солдата.

— Ты за что? — спросил он у первого.

— За утрату казенных денег, ваше высокоблагородие.

— Да, знаю: ты неосторожно загнул угол. Надеюсь, вперед не будешь гнуть углы, — сказал он насмешливо и обратился к следующему.

— А ты за что?

— По воле родительницы, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Надеюсь, вперед не будешь и... — обратился к следующему.

— Ты за что?

— За буйные поступки, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Надеюсь, вперед... и...

— Ты за что? — спросил он у следующего.

— По воле родителя, ваше высокоблагородие.

— Надеюсь... А ты за что? — спросил он, обращаясь ко мне.

— За сочинение возмутительных стихов. Ваше высокоблагородие.

— Надеюсь, вперед не будешь...

— А ты за что? За что — спросил он у последнего. Последний отвечал, что тоже по воле родительницы, и, не выслушавши последнего, он обратил к нам сильную, назидательную речь, смкнувшуюся весьма новой истиной, что за всем молитва, а за царем служба не продают...

27 июня ...Сегодня к вечеру появились комары на огороде, и я, чтобы избавиться этих несносных насекомых, ушел на ночь в укрепление. Но увы! Неумолимая Немезида¹¹ преследует меня на каждом шагу. Избегая комаров, я наткнулся на шмелей. С подобающим почтением проходя мимо офицерского флигеля, я услышал новую для меня песню, начинающуюся так:

Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.

Далее я ничего не мог расслышать, потому что певец слишком густо забасил, и потому что пьяный Кампийони, инженерный офицер и отчаянный пьяница, выбежал на площадь, не зная для какой надобности, и, увидя меня, вздумал оказать мне небольшую услугу, покровительство, познакомив меня с вновь прибывшими офицерами, с лихими ребятами, по его выражению. Для этого схватил он меня за рукав и потащил в коридор. Вновь прибывшие лихие ребята сидели и лежали в одних красных рубашках на разостланной кошме, и пред ними красовалась полуве-

рная бутылка сивухи. Живая сцена из „Дружницы“ князя Шаховского¹². Я, чтобы не исполнить собою группы волжских разбойников, вырвался из объятий покровителя и выбежал на площадь. Покровитель выбежал за мною, кричал дежурного унтер-офицера по роте и велел взять меня на гауптвахту за лично нанесенную дерзость офицеру. Приказание офицерское было исполнено в точности. После пробития зори, дежурный по караулам доложил коменданту о вновь прибывшем арестанте, и комендант сказал: „пускай проспится“. Итак, я, избегая новопийца комаров, отдан был на терзание клопам и блохам...

28 июня. Совершилось, только совершеннее не то, чего я ожидал. А совершилась дерзость, которую нельзя было предполагать даже в совершителе ее, мерзавце Кампийони. Пошел я вчера в укрепление, в ожидании пакохода, паковать свою мизерию. И, как это обыкновенно бывает, когда человек ожидает чего-нибудь хорошего, то на этом хорошем и хорошие строит планы. Так и я, в ожидании

вестника благодатной свободы, развернул ковер самолета, и еще одна, одна только минута — и я очутился бы на седьмом Магометовом небе. Но, не доходя укрепления, [встретился] мне посланный за мною вестовой от коменданта. Не пришел ли пароход? — спрашиваю я у вестового. — Никак нет, — отвечает он. — Какая же встретишься во мне надобность коменданту? — спросил я сам себя и прибавил шагу. Прихожу. И комендант, вместо всякого приветствия, молча подает мне какую-то бумагу. Я вздрогнул, принимая эту таинственную бумагу, как несомненную вестницу свободы. Читаю — и глазам не верю. Это рапорт на имя коменданта от поручика Кампийони о том, что я в нетрезвом виде наделал ему дерзости матерными словами, в чем свидетельствуют и вновь прибывшие офицеры. И в заключение рапорта он просит и требует поступить со мной по всей строгости закона, т. е. немедленно произвести следствие. Я остолбенел, прочитавши эту неожиданную мерзость. — Посоветуйте, что мне делать с этой гадиной? — спросил я коменданта, придя в себя. — Одно вредство сказал он, — просите прощения, или, по смыслу

исциплины, вы арестант. Вы имеете свидетелей, то вы были трезвы, а он имеет свидетелей, что вы его ругали.—Я приму присягу, что это неправда,—сказал я.—А он примет присягу, что неправда. Он офицер, а вы все еще солдат.—У, как страшно отозвалось во мне это, почти забытое, слово. Делать нечего, спрятал гордость в карман, напялил мундир и отправился просить прощения. Простоял я в передней у мерзавца битых два часа. Наконец, он допустил меня к своей опомелившейся особе. И после многих извинений, прошений, унижений, даровано мне было прощение с условием сейчас же послать за четвертью водки. Я послал за водкой, а он пошел к коменданту за рапортом. Принесли водку, а он принес рапорт и привел своих благородных свидетелей.—Что, батюшка,—сказал один из них, подавая мне пухлую, дрожащую с похмелья руку,—вам неужгодно было познакомиться с нами добровольно, как следует с благородными людьми, так мы вас заставили.—На эту краткую и поучительную речь уже пьяная компания захохотала, а я чуть-чуть не проговорил:—Мерзавцы! да еще и патентованные мерзавцы!

2 июля. Две случайно сделанные мною вещи так удачны, как редко удаются произведения, глубоко обдуманые. Первая вещь, это — сей Журнал, который в эти томительные дни ожиданий сделался для меня необходим, как страждущему врач. Вторая вещь, это — медный чайник, который делается необходим для моего Журнала, как Журнал для меня. Без чайника или без чая я как-то лениво, бывало, принимался за рукоделье. Тепер же, едва успею налить в стакан чай, как перо само просится в руку. Самовар — тот шипением своим возбуждает к деятельности. Это понятно. Правда, я не имел случая испытать на себе это благодетельное влияние самовара. Но имел случай существенно убедиться в этом волшебном влиянии на других. А именно. Был у меня, во время оно, приятель в Малороссии, некто г. Афанасьев или Чужбинский¹³. В 1846 г. судьба столкнула нас в Цареграде, не в Оттоманской столице, а в единственном трактире в городе Чернигове. Меня судьба забросила туда по делам службы, а его — по непреодолимой любви к рассеянности или, как он выражался, по влечению сердца. Я знал его как самого не-

стового и неистощимого стихотворца, но не знал скрытого механизма, которым приводилось в движение это неутомимое вдохновение. И тогда только, когда поселились мы, во избежание лишних расходов, во первых, а, во вторых, чтобы, как товарищи по ремеслу, созерцать друг друга во все минуты дня и ночи, — тогда только узнал я тайную пружину, двигавшую это истинно - неутомимое вдохновение. Пружина эта была — шипящий самовар. Сначала я не мог взять в толк, почему мой товарищ по ремеслу не спросит, когда ему вздумается, стакан чаю из буфета, как я это делаю, а непременно велит подать самовар. Но когда я рассмотрел приятеля поближе, то оказалось, что он, собственно, не самовар велел подавать, а велел подавать вдохновение или пружину, приводящую в движение эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда, из какого источника вытекают у него такие громадные стихотворения, а оказалось, что ларчик просто отворялся.

Мы прожили с ним вместе весь великий пост и не оказалось в городе не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы он [не написал]

в альбом не четырехстишие какое-нибудь (о мелочь презирал), а полную увесистую идиллию. Если же альбома не обреталось у какой-нибудь очаровательницы, как, например, у старушки Дороховой, вдовы известного генерала 1812 года, то он преподносил ей просто на шести и более листах самое сентиментальное послание.

Но это все ничего. Кто из нас без слабостей? А главное дело в том, что, когда пришлось нам платить дань обладателю Цареграда, то у товарища по ремеслу не оказалось наличной дани, и я должен был заплатить, не считая других потреблений, но, собственно, за локомотив, приводивший в движение вдохновение, 23 рубля серебром, которые, несмотря на дружеское честное слово, и до сих пор не получил. Вот почему я существенно узнал действие шипящего самовара на нравственные силы человека.

В моем положении естественно, что я постоянно нуждался в копейке, и я писал ему в Киев два раза о помянутых 23 руб., но он даже стихами не ответил. Я так и подумал, что, увы, Россия лишилась второго Тредьяковского¹⁴. Но я ошибся. Прошлой зимой в фельетоне „Русского

Инвалида" вижу на бесконечных столбцах бес-
конечное малороссийское стихотворение, по
случаю, — не помню, по какому именно случаю,
помню только, что отвратительная и подлая
лесть русскому оружию. Ба, — думаю себе, — не
мой ли это приятель так отличается? Смотрю —
действительно он: А. Чужбинский. Так ты,
мой милый, жив и здоров, да еще и подличать
научился? Желаю тебе успеха на избранном
поприще, но встретиться с тобою не желаю...

8 июля ... Сегодня же поутру пригласил я
к себе на огород унтер-офицера Кулиха. Раз-
говор наш, разумеется, вертелся на батальоне
и в особенности на 2-й роте, которая два года
назад тому ушла отсюда и которая теперь сю-
да возвратилась. И тогда, и теперь я имею
несчастье состоять в этой роте. Начиная с
бывшего тогда ротного командира, поручика
Обрядина, мы перебрали всю роту поодинач-
ке и, наконец, дошли до рядового Скобелева...
По сложению своему и по манерам он не был
похож на braveго солдата, за что я его осо-
бенно уважал... Он был, как он мне говорил

по секрету, беглый крепостной крестьянин. Попался в бродяжничество, сказался непомятым родни и семейства и был зачислен в солдаты, где и дали ему прозвище Скобелева в честь известного балагура, русского инвалида Скобелева. Так об этом то бедняке Скобелеве Кулих мне рассказал следующую возмутительную повесть.

Вскоре по прибытии 2 роты в г. Уральск, командир роты поручик Обрядин взял к себе в постоянные вестовые рядового Скобелева, как трезвого и благонадежного, но слабого по фронту солдата. А рядовой Скобелев неумышленно сделался поверенным сердечных тайн своего командира и постоянным лакеем его любовницы. Не прошло и полгода, как неуклюжий лакей Скобелев так же неумышленно сделался любовником любовницы своего повелителя. И однажды, в минуты сердечных излияний, коварная изменница открыла Скобелеву, что два месяца тому назад на его имя получены Обрядиным из Москвы 10 рублей серебром от какого-то его бывшего товарища (вероятно, по бродяжничеству), теперь лавоч-

ного сидельца. И в доказательство истины слов своих показала ему конверт с пятью печатями. Поручик же Обрядин, будучи еще батальонным адъютантом и казначеем, не только подозреваем, но даже был уличаем в краже подобных присылок. Но он как-то умел концы в воду прятать и слыть вообще порядочным человеком. Скобелев, узнавши такую проделку отца-командира, явился к нему с пустым пакетом в руках требовать вынутых из него денег. Отец-командир попотчевал его пощечиной, а он отца-командира—оплеухой. Будь это сам-на-сам, тем бы и кончилось. Но, как эта сцена была представлена при благорожженных зрителях, при офицерах, то сконфуженный поручик Обрядин, арестовав рядового Скобелева, подал батальонному командиру рапорт о случившемся.

Вследствие рапорта произведено следствие, а вследствие следствия поручику Обрядину велено подать в отставку, а рядового Скобелева предали военному суду. А по приговору военного суда рядовой Скобелев прошел по зеленой аллее, как выражаются солдаты, сквозь 2.000 шпицрутенгов, и сослан в Омск на семь лет в

арестантские роты. Печальное и к несчастью не единственное в этом роде происшествие.

Бедный Скобелев! Родился ты и вырос в невольничестве. Вздумалось тебе попробовать широкой, сладкой, вольной воли, и ты залетел в Эдикуль (так обыкновенно называют солдаты Новопетровское укрепление), залетел ты в мою семилетнюю тюрьму певуньей птицей из Украины, как будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными песнями напомнить мне мою милую, мою бедную родину. Бедный, несчастный Скобелев! Ты честно, благородно возвратил пощечину благородному вору, грабителю и за это честное дело прошел ты сквозь строй и понес тяжелые кандалы на берега пустынного Иртыша и Оми. Встретишь ли в своей новой неволе такого внимательного и благодарного слушателя, товарища твоих заунывных сладких песен, как я был. Встретишь и не одного такого же как и ты невольника-сирому земляка Варнака заклеяменного, который прольет слезу благодарности на твои тяжелые кайданы, за отрадные сердцу милые, родные звуки. Бедный, несчастный Скобелев!

16 июля ... В 1848 году, после трехмесячного плавания по Аральскому морю, возвратились в устье Сыр Дарьи, где должны были провести зиму. У форта на острове Кос-Арале, где занимали гарнизон уральские казаки, вышли мы на берег. Уральцы, увидев меня с широкою, как лопата, бородою, тот час смекнули делом, что — непременно мученик за веру¹⁶. Донесли тот час же своему командиру, эсаулу Чарто-рогову, а тот, не будучи дурак, зазвал меня в камыш, да бац передо мною на колени:—Благословите,—говорит,—батюшка! Мы говорит,—уже все знаем. Я тоже, не будучи дурак, смекнул, в чем дело, да и хватил самым раскольничьим крестным знамением. Восхищенный эсаул облобызал мою руку и вечером задал нам такую пирушку, какая нам и во сне не грезилась.

Вскоре после этого казуса, уже обривши бороду, отправился я в Раим — главное тогда укрепление на берегу Сыр-Дарьи. В Раиме встретили меня уральцы с затаенным восторгом, а отрядный начальник их, полковник Марков, тоже не будучи дурак, испросив мое благословение, предложил мне 25 рублей, от которых я

неблагоразумно отказался и этим, по их представлениям, беспримерным бескорыстием подвинул благочестивую душу старика отговесты в табу не, в кибитке, по секрету и, если возможность позволит, приобщиться святых таин от такого беспримерного пастыря, как я.

Чтобы не нажить себе хлопот с этими седыми беспримерными дураками, я поскорее оставил укрепление и уже аккуратно, каждую неделю два раза, брею себе бороду...

20 июля. Ильин день. Илия космат — так пишется он в библии. Должно быть, этот библейский циник был безграмотный, потому что не оставил по себе, подобно другим пророкам, писанного пророчества. У палестинских магометан (если верить Норову) он пользуется таким же почетом, как у евреев и христиан...

5 августа. В 5-ть часов вечера приплыл я на самой утлой рыбацкой ладье в город Астрахань. Все это так нечаянно и так быстро совершилось, что два верю совершившемуся. Я, как во сне виденную, припоминаю теперь

прогулку мою в балку с Андрием Обеременком¹⁶, после которой на другой день, т. е. 31 июля, Ираклий Александрович¹⁷ внезапно согласился дать мне пропуск прямо в Петербург. На другой же день он сдержал свое слово, а на третий, т. е. 2 августа, в 9 часов вечера, оставил я Новопетровское укрепление и, после трехдневного благополучного плавания по морю и по одному из многочисленных рукавов Волги, прибыл в Астрахань.

6 августа. Астрахань это — остров, омываемый одним из протоков Волги, перерезанный рядом вонючих болот, называемых рекою Кутумом, и каналом, ни в чем не уступающим реке Кутуму. Полуостров этот окружен густым лесом мачт и уставлен живописными бедными лачугами и серыми, весьма не живописными деревянными домиками с мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что из них выглядывают флотские и вообще официальные физиономии. Всю эту огромную, безобразную, серую кучу мусора венчают зубчатые белые стены кремля¹⁸ и стройный великолепный

птиглавыи собор московской архитектуры 17 столетия. Таков город Астрахань. Но не таким он мне представлялся, когда я, подходя к Бирючей Косе (главная застава в устьях Волги), увидел сотни, правда, безобразных кораблей, нагруженных большею частью хлебом. Мне представлялась Венеция времен дождей¹⁹, а оказалось — гора мышь родила. А проток Волги, окружающий Астрахань и сообщаемый с Каспийским морем, глубиной и шириной Босфору²⁰ не уступит. Но проток этот омывает не Золотой Рог, а огромную кучу вонючего навоза. Где же причина этой нищеты (наружной и отвратительной грязи тоже наружной), и, вероятно, внутренней? Где эта причина? В армяно - татарско - калмыцком народонаселении или в другой какой политическо - экономической пружине? Последнее вероятнее. Поэтому вероятнее, что и другие наши губернские города ничем не уступают Астрахани, исключая Ригу.

Из множества частных пароходов теперь ни одного нет в Астрахани по причине Макарьевской ярмарки. Пароход „Меркурий“ возвра-

тится в Астрахань не прежде 15 августа, а к 20 августа нагрузится и пойдет в Рыбинск и меня довезет до Нижнего. А пока я волею-неволею делаюсь соглядатаем сего нарочито грязного города.

10 августа ...Перед вечером вышел я, как говорится, и себя показать, и на людей посмотреть. Вышел я на набережную канала. Здесь это — английская набережная в нравственном отношении, а в физическом — деревянная, досчатая. Канал сам по себе дрянь. Но, как дело частного лица, это произведение гигантское, капитальное. Я не мог добиться время его построения, узнал только, что он построен на кошт некоего богатого грека Варвараца. Честь и слава покойному эллину²¹! Так на этой-то набережной по вечерам рисуется цвет здешнего общества.

Женщины здешние ненатурально белы и, преимущественно, чахоточны. Мужчины вообще в белых фуражках с кокардою, не исключая и мужчин гражданского ведомства. Непонятная любовь к ливрее²². Нередко попадаются львы

и львицы. Эти повсеместные плотоядные не климатизируются: они и здесь такой же шерсти как и в Архангельске, как и везде. Плебейская же физиономия калмыка и татарина здесь редко покажется: ее место на *и са да х*²³ и в грязных переулках.

27 августа. Ночи лунные, тихие, очаровательно - поэтические ночи! Волга, как бесконечное зеркало, подернутая прозрачным туманом, мягко отражает в себе очаровательную бледную красавицу ночи и сонный, обрывистый берег, уставленный группами темных деревьев. Восхитительная, сладко - успокоительная декорация! И вся эта прелесть, вся эта зримая, немая гармония оглашается тихими задушевыми звуками скрипки. Три ночи сряду этот вольноотпущенный чудотворец безмездно возносит мою душу к творцу вечной [красоты?] пленительными звуками своей лубочной скрипки. Он говорит, что на пароходе нельзя держать хороший инструмент, но и из этого нехорошего он извлекает волшебные звуки, в особенности в мазурках Шопена²⁴. Я никогда не

наслушаюсь этих общеславянских, сердечно, глубоко унылых песен. Благодарю тебя, крепостной Паганини²⁵, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный. Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ. Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего свинцового уха, наш праведный, неумолимый, неублажимый боже?

Под влиянием скорбных, вопиющих звуков этого бедного вольноотпущенника²⁶, пароход, в ночном погребальном покое мне представляется каким-то огромным, глухоревущим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовую проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон²⁷ и великий Уатт²⁸! Ваше молодое, не по дням, а по часам, растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты²⁹, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное, гениальное дитя! Мое пророчество несомненно!

Молю только многотерпеливого господа умягчить малую часть своего бездушного терпения. Молю его коснуться своим свинцовым ухом хоть одной полноты этой душу раздирающего вопля, вопля своих искренних просто-сердечных молителей.

29 августа. Берега Волги с каждым часом делаются выше и привлекательнее. Я попробовал сделать очерк одного места с палубы парохода, но увы, нет никакой возможности. Палуба дрожит и контуры берегов быстро меняются, и я с своим давнишним новопетровским предположением рисовать берега матушки - Волги должен теперь проститься. Сегодня с полуночи и до восхода солнца пароход грузился дровами около Камышина, и я едва успел сделать легенький очерк камышинской пристани с правым берегом Волги. Дров взято до Саратова, и, значит, я ближе Саратова ничего не сделаю. Выше Камышина, в 60 верстах, на правом берегу Волги, боцман парохода показал мне бугор Сеньки Разина³⁰. Это было на рассвете, и я не мог хорошо рассмотреть этой замеча-

тельной, но неживописной местности... Волжские пловцы и вообще простой народ верит, что Сенька Разин живет до сих пор в одном из приволжских ущелий близ своего бугра, и что (по словам лоцмана) прошедшим летом какие-то матросы, плывшие из Казани, останавливались у его бугра, ходили в ущелье, видели и разговаривали с самим Семеном Степановичем Разиным... По словам того же рассказчика, Разин не был разбойником, а он только на Волге брандвахту держал и собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям. Коммунист, выходит.

5 сентября ... Мне теперь много нужно прочитать. Я совершенно отстал от новой литературы. Как хороши „Губернские очерки“, в том числе и Мавра Кузьмовна Салтыкова⁸¹, и как превосходно их читает Панченко (домашний медик Сапожникова), без тени декламации. Мне кажется, что подобные глубоко-грустные произведения иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтение сильнее, рельефнее рисует этих бездушных, холодных, этих отвратительных

гарпий. Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь³²! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь, за этого поруганного бессловесного смерда!

6 сентября. В 10 часов утра „Князь Пожарский“ бросил якорь у набережной города Самары. Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма не живописна. Я вышел на берег и пошел взглянуть поближе на эту чопорную, юную купчиху и купить коты...

Ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город. Живой представитель царствования неудобозабываемого Николая Тормоза³³...

...В капитанской каюте на полу увидел я измятый листок старого знакольца „Русского Инвалида“³⁴, поднял его и от нечего делать принялся читать фельетон. Там говорилось о китайских

инсургентах⁸⁶, и о том, какую речь произнес Гонг, предводитель инсургентов, пред штурмом Нанкина. Речь начинается так: „Бог идет с нами. Что же смогут против нас демоны? Мандарины эти — жирный убойный скот, годный только в жертву нашему небесному отцу, высочайшему владыке, единому истинному богу“. Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?

В Самаре живет богатый купец Светов, глава секты молоканов⁸⁶. Правительство (кроткими мерами) заставляло его принять православие, но он, несмотря на кроткие меры, решительно отказался от православия и изъявил желание принять кальвинизм⁸⁷, на что однако ж правительство не изъявило своего желания и оставило его в покое, запретив ему и его секте торговать (одна из кротких мер).

7 сентября. В 10 часов утра, при свежем порде с дождем и снегом, мы оставили Самару. От Самары вверх начинает подниматься левый берег Волги: это — плоская возвышенность Жигулевских гор. Через два часа мы подошли к

воротам Жигулевских гор. Это — ущелье, сузившее Волгу до одной версты. За горами, как за рамой, открылась нам новая, доселе невиданная, панорама, испятнанная темносиними полосами. Это — обитатель севера, сосновый лес. На первый план этой панорамы из-за ущелья, поросшего черным лесом, высунулась обнаженная отдельная гора. Это — Царев курган. Народное предание говорит, что Петр Первый, путешествуя по Волге, останавливался на этом месте и всходил на эту гору, вследствие чего она и получила название Царева кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мне такую же гору близ Звенигородки, Киевской губернии, в селе Гудзивци. И Гудзивскую гору, может быть, какой-нибудь помазанник-пройдоха освятил своим восшествием, но земляки мои как-то тупо сохраняют в своей памяти подобные освящения. Они (земляки мои) чуть ли не догадываются, что если царь взойдет на такую гору, то, верно, не даром, а уповательно для того, чтобы несытым оком окинуть окрестность, на которой (если он полководец) сколько в один прием

можно убить верноподданных! А если он, боже сохрани, агроном, то это еще хуже, особенно, если окрестность окажется бесплодною, то он высочайше повелит ее сделать плодоносною, и тогда потом и кровью крепостного утучнится бесплодный солончак. Земляки мои, верно, не без причины не освящают своей памятью подобных урочищ...

9 сентября ...После обеда зашли мы в капитанскую светелку—так называют волжские плаватели (матросы) напалубную капитанскую каюту—и принялись за чай. Между прочими интересными разговорами за чаем Возницын сказал, что он, после закрытия волжской навигации, едет в свое поместье (Тверской губернии), по случаю освобождения крепостных крестьян. Он, хотя и либерал³⁸, но, как сам помещик, проговорил эту великолепную новость весьма не с удовольствием. Заметя сие филантропическое чувство в помещике Тверской губернии, я почел лишним завести разговор с помещиком о столь щекотливом для него предмете. И, не разделив восторга, пробужденного

этой великой новостью, я закутался в свой чапан, и заснул сном праведника...

17 сентября. Вчера мне ничто не удалось. Поутру начал рисовать портрет Е. А. Панченка, домашнего медика А. Сапожникова⁸⁹. Не успел сделать контуры, как позвали завтракать. После завтрака пошел я в капитанскую светелку с намерением продолжать начатый портрет, как начал открываться из-за горы город Чебоксары. Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, так по крайней мере наполовину будет в нем домов и церквей. И все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для православия. Главный узел московской старой внутренней политики — православие. Неудобозабываемый Тормоз по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится...

*19 сентября ...*С рассветом „К. Пожарский“ поднял якорь, свистнул, фыркнул и весело за-

хлопал своими огромными колесами. Хорошо! Берега быстро меняют свои контуры. Пролетаем мы мимо красивого по местоположению села Зименки, помещика Дадьянова и замечательного по следующему происшествию. Прошедшего лета, когда поспело жито и пшеница, мужиков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре. Жаль, что яровое не поспело, а то и его бы за один раз покончили бы. Отрадное происшествие...

27 сентября. Проходя мимо церкви святого Георгия и видя, что двери церкви растворены, я вошел в притвор и в ужасе остановился. Меня поразило какое-то безобразное чудовище, нарисованное на трехаршинной круглой доске. Сначала я подумал, что это индийский Ману⁴⁰ или Вишну⁴¹ заблудил в христианское капище полакомиться ладаном и деревянным маслом. Я хотел войти в самую церковь, как двери растворились, и вышла пышно, франтовски разодетая барыня, уже не совсем свежая, и, обратясь к нарисованному чудовищу,

три раза набожно и кокетливо перекрестилась и вышла. Лицемерка. Идолопоклонница...

11 октября. А сегодня, с горем пополам, отправился поутру рисовать Архангельский собор, озяб до слез и ничего бы не сделал, если бы не попался мне на глаза генерал Веймарн, командир учебного карабинерного полка и, разумеется, главный хозяин в казармах, под которыми я расположился рисовать. Я рассказал ему о своем горе, и он обязательно позволил мне поместиться у любого окна в казармах, чем я и воспользовался с благодарностью. Поработавши, отправился я обедать к Н. К. Якоби. Вместо десерта он угостил меня брошюрой Искандера⁴² Лондонского второго издания *Крещеная собственность*. Сердечное задушевное человеческое слово! Да осенит тебя свет истины и сила истинного бога, апостол наш, наш одинокий изгнанник!

16 октября ... У Якоби же встретился я и благоговейно познакомился с возвращающимся из Сибири декабристом, с Иваном Алексан-

дровичем Анненковым⁴³. Седой, величественный кроткий изгнанник в речах своих не обнаруживает и тени ожесточения против своих жестоких судей, даже добродушно подтрунивает над фаворитами коронованного фельдфебеля Чернышевым и Левашовым, председателями тогдашнего верховного суда. Благоговею перед тобою, один из первозванных наших апостолов!

Говорили о возвратившемся из изгнания Николае Тургеневе⁴⁴, о его книге, говорили о многом и о многих, и в первом часу ночи разошлись, сказавши: до свидания.

23 октября. При свете великолепного пожара, вечером, часу в 9, встретился я с К. А. Шрейдерсом⁴⁵. Он сообщил мне, что обо мне получена форменная бумага на имя здешнего военного губернатора от командира Оренбургского Отдельного Корпуса. Для прочтения сей бумаги зашли мы в губернаторскую канцелярию, к правителю канцелярии, милейшему из людей, Андрею Кирилловичу Кадинскому. Бумага гласит о том, что мне воспре-

щается въезд в обе столицы, и что я обретаюсь под секретным надзором полиции. Хороша свобода! Собака на привязи! Это значит — не стоит благодарности, В[аше] В[еличество]!..

3 ноября ... В первый же раз увидел я „Полярную Звезду“ Искандера за 1856 год, второй том. Обертка, т. е. портреты первых наших апостолов и мучеников⁴⁶, меня так тяжело грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны портреты этих великомучеников с надписью: „Первые русские благовестители свободы“, а на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью: „Не первый русский коронованный палач“.

7 ноября. На днях как-то проходил я через Кремль и видел большую толпу мужиков с открытыми головами перед губернаторским дворцом. Явление это показалось мне чем-то необыкновенным, и до сегодняшнего дня я не

мог узнать его содержания, а сегодня Овсянников⁴⁷ рассказал мне, в чем было дело.

Крестьяне помещика Демидова, того самого мерзавца Демидова, которого я знал в Гатчинском кирасирском юнкерском в 1837 году и который тогда не заплатил мне деньги за портрет своей невесты. Теперь он, промотавшийся до снаги, живет в своей деревне и грабит крестьян. Кроткие мужички, вместо того, чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дураком, велел их посечь за то, чтобы они искали управы по начальству, т. е. начинали с станового.

Интересно знать, что дальше будет.

12 декабря. Сегодня видел я на сцене „Станционного смотрителя“ Пушкина. Я был всегда против переделок, и эту переделку пошел посмотреть от нечего делать. И что же? Переделка оказалась самою мастерскою переделкою, а исполнение неподражаемо, в особенности сцены второго акта и последняя сцена третьего были так естественно трагически исполнены,

что хоть бы и самому гениальному артисту так в пору. Исполать тебе, господин Владимир! Исполать тебе, и тетенька Трусова: ты так естественно-зло исполнила роль помещицы Лепешкиной, что сама Коробочка⁴⁸ пред тобой побледнела. Вообще, ансамбль⁴⁹ драмы был превосходен, чего я никак не ожидал. И если бы не усатые отставные гусары-помещики, пьяные, шумели в ложе, то я вышел бы из театра совер[шенно доволен].

Кстати о помещиках. Их теперь нахлынуло в Нижний на выборы видимо и не видимо. И все без исключения с бородами и усами, в гусарских, уланских и других кавалерийских мундирах. Пехотинцев и флотских незаметно. Говорят между собою только по-французски. Пьянствуют и шумят в театре и, слышно, составляют оппозицию против освобождения крепостных крестьян. Настоящие французы!

18 декабря. Читал и сердцем сокрушился,
Зачем читать учился.

Читая подлинник, т. е. славянский перевод Апокалипсиса⁵⁰, приходит в голову, что апо-

стол писал это откровение для своих неофитов⁵¹ известными им иносказаниями, с целью скрыть настоящий смысл проповеди от своих приставов, а, может быть, и [с] целью более материальной: чтобы они (пристава) подумали, что старик рехнулся, порет дичь, и скорее освободили бы его из заточения. Последнее предложение мне кажется правдоподобнее.

С какой же целью такой умный человек, как В. И.⁵², переводил и толковал эту аллегорическую чепуху? Не понимаю. И с каким намерением он предложил мне прочитывать свое бедное творение? Не думает ли он открыть в Нижнем кафедру теологии⁵³ и сделать меня своим неофитом? Едва ли. Какое же мнение я ему скажу на его безобразное творение? Приходится врать, из-за чего? Так, просто из вежливости. Какая ложная вежливость!..

19 декабря. Monsieur Брасс (учитель французского языка в гимназии) рассказал мне сегодня недавно случившееся ужасное происшествие в Москве. Трагедия такого содержания.

Ловкий молодой гвардеец по железной дороге привез в Москву девушку, прекрасную, как ангел. Привез ее в какой-то не слишком публичный трактир. Погулял с нею несколько дней, что называется, на славу и скрылся, оставив ее расплатиться с трактирщиком, а у нее ни денег, ни паспорта. Она убежала из дому с своим обожателем с целью в Москве обвенчаться, и концы в воду. Трактирщик посмотрел на красавицу и, как человек бывалый, смекнул делом: подослал к ней сводню. Ловкая тетенька приласкала ее, приголубила, заплатила трактирщику долг и взяла ее к себе на квартиру. На другой или на третий день она убежала от обязательной старушки и явилась к частному приставу, а вслед за нею явилась и ее покровительница; подмазала частного пристава, а тот, несмотря на ее доводы, что она благородная, что она дочь генерала, высек ее розгами и отправил в рабочий дом на исправление, где она через несколько дней умерла. Ужасное происшествие! И все это падает на военное сословие. Отвратительное сословие!

7 января 1858 г. ...Прийдя домой я нечаянно взялся за библию, раскрыл, и мне попался лоскуток бумаги, на котором Олейников записал басню со слов Михайла Семеновича⁵⁴. Эта находка так меня обрадовала, что я сейчас же принялся ее переписывать. Вот она⁵⁵:

На улице, и длинной, и широкой,
И на большом дворе стоит богатый дом,
И со двора разносится далеко
Зловоние кругом.

А виноват хозяин в том,
— Хозяин наш прекрасный, но упрямый. —
Мне дворник говорит:
Раскапывать велит помойную он яму,
А чистить не велит.

Зачем раскапывать заглохшее дерьмо?
И не казнить воров, не предавать их сраму?
Не лучше ль облегчить народное ярмо,
Да вычистить велеть помойную - то яму?

Сочинение этой басни приписывают московскому актеру Ленскому. Это не похоже на водевильный куплет...

2 января. Обязательнейший Олейников сегодня сообщил мне стихотворение Курочки-

на⁶⁶ „На смерть Беранже“⁶⁷, но так скверно переписано, что я едва мог прочесть. Прочитал, однако и записал на память. Прекрасное, сердечное стихотворение.

16-е ИЮЛЯ 1857 ГОДА

Зачем Париж волнуется опять?
На площадях и улицах солдаты,
Народных масс не может взор обнять,
Кому хотят последний долг воздать?
Чей это гроб и катафалк богатый?
Тревожный слух в Париже пролетел;
Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилась звезда,
Светившая полвека кротким светом
Над алтарем страданья и труда!
Простой народ простился навсегда
С своим родным учителем — поэтом,
Воспевшим блеск его великих дел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем же блеск и роскошь похорон,
Мундиры войск и ризы духовенства?
Тому, кто жил так искренно, как он,
Певец любви, свободы и равенства?
Несчастливым льстил, но с сильными был смел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певцу напрасный фимиам?
И почестей торжественных забава?
Не быть ничем хотел он в жизни сам,
И в бедности нашла любимца слава.
И слух о нем далеко прогремел!
Угас поэт — народ осиротел.

Народ всех стран! Странанье, труд
И сладких слез над звуками — отрада,
И в них, поэт, тебе великий суд!
Великому великая награда:
Когда, свершив завидный свой удел,
Угас поэт — народ осиротел.

7 января. Круликевич, возвращаясь на родину из изгнания, с берегов Сыр-Дарьи, узнал случайно о моем пребывании в Нижнем и сегодня посетил меня. Между многими неинтересными степными новостями он сообщил отвлратно интересную новость.

Побочный сын гнилого сатрапа Перовского собственноручно зарезал своего денщика, за что был только разжалован в солдаты. Но мелкая душенка [не вынесла] и этого всемилостивейшего наказания: он вскоре умер, или отравил себя. Туда и дорога. Выходит, яблоко не далеко

от яблони упало. Мать этого малодушного тигренка, жена какого - то паршивого барона Зальц и купленная..... растленного сатрапа Перовского. Однажды, собираясь к обедне, рассердилась за что - то на горничную да ихватила ее утюгом в голову. Горничную похоронили, и тем дело покончил всемогущий сатрап. О, Николай, Николай! Какие у тебя лихие сподручники были. По Сеньке шапка!

22 января. Проездом из Петербурга в Вятку на службу посетил меня сегодня Яков Лазаревский. Он недавно из Малороссии. Рассказал о многих свежих гадостях в моем родном краю, в том числе и о грустном Екатеринославском восстании 1856 года, и про своего соседа и родственника Н. Д. Белозерского. Этот филантроп - помещик так оголил сво[их] крестьян, что они сложили про него песню, которая кончается так:

А в нашего Білозера
Сивая кобила.
Бодай же його побила
Лихая година.

А в нашего Біловера
Червоная хустка.
Ой, не одна в селі хата,
Осталася пустка...

Наивное, невинное мщение!

24 февраля ...Сегодня перепишу чужую не
поэзию, но довольно удачные стишки, посвя-
щенные памяти неудобозабываемого фельдфе-
беля.

Когда он в вечность преселился,
Наш незабвенный Николай,
К Петру апостолу явился,
Чтоб дверь ему он отпер в рай.
— Ты кто? — спросил его ключарь.
— Как кто! Известно — русский царь.
— Ты царь? Так подожди немного.
Ты знаешь — в рай тесна дорога,
И узки райские врата:
Смотри, какая теснота!
Что ж это все за сброд?
Простой народ!
Аль не узнал своих? Ведь это россияне,
Твои бездушные дворяне.
А это — вольные крестьяне.
Они все по миру пошли

И ящиками к нам в рай приехал
Тогда подумал Николай:
— Так вот как достается рай!
И пишет сыну: — Милый Саша!
Плоха на небе участь наша.
И если подданных своих ты любишь,
То их богатства поубавь.
А если хочешь в рай ввести,
То всех их по миру пусти.

1 марта. На имя здешнего губернатора от министра внутренних дел получена бумага о дозволении проживать мне в Петербурге, но все еще под надзором полиции. Это работа старого распутного японца Адлерберга⁶⁸.

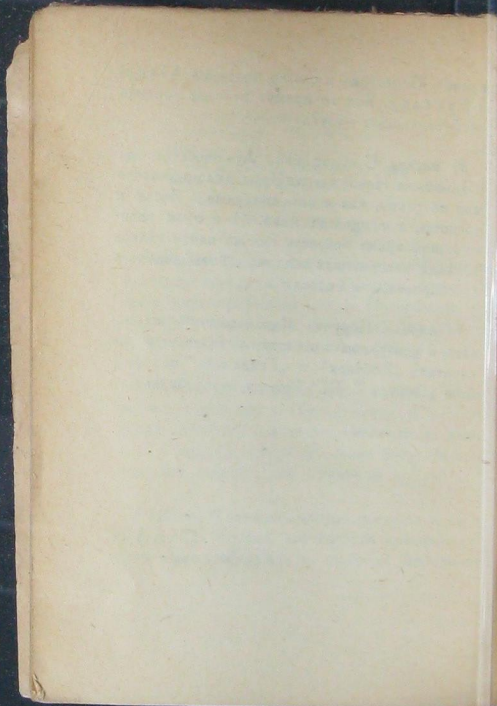
4 марта. В ожидании Овсянникова и полицейского пропуска в Питер, принялся переписывать Вѣдьму для печати. Нашел много длинного и недоделанного. И слава богу, работа сократит длинные дни ожидания.

6 марта. Я слишком плотно принялся за свою Вѣдьму. Так плотно, что сегодня кончил, а работы было порядочно, и, кажется, порядочно

кончил. Переписал и слегка поправил Лілею и Русалку. Как то примут земляки мои мою невольническую музу?..

31 марта. С художником Лукашевичем был в Эрмитаже. Новое здание Эрмитажа показалось мне не таким, как я его воображал. Блеск и роскошь, а изящества мало. И в этом величественном храме искусств сильно напечаталась тяжелая казарменная лапа неудобозабываемого дрессированного медведя⁵⁹...

11 апреля. Поручил Каменецкому⁶⁰ хлопотать в цензурном комитете о дозволении напечатать „Кобзаря“ и „Гайдамаки“ под фирмою „Поэзия Т. Ш.“ Что из этого будет?..

ПРИМІТКИ

1. 1847 року Шевченка заарештовано в зв'язку з відкриттям Кирило - Мефодіївського братства. Більшість членів цього товариства стояла на позиціях смиренного лібералізму і не була страшна для царського уряду. Але Шевченко своєю практичною революційною діяльністю, своїми революційними творами („Сон“, „Кавказ“ та інші) був для панівного ладу дуже небезпечний. Тому, розглянувши справу Шевченка, миколаївські жандарі виносять при суд: „Художника Шевченка за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский Отдельный Корпус с правом выслуги, поручить начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений“. Цар до цього присуду додав: „под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать“.

2. *Арапчики* — так звалася монета тих часів іноземного карбування.

3. *Ковак Луганський* — відомий тогочасний письменник В. І. Даль (див. прим. 52).

4. *Гіппократ* — старогрецький лікар — т. зв. „батько медицини“. Належав до найвизначніших натуралістів свого часу. Іноді це слово з іронічним відтінком (як і „ескулап“) вживалося загалом для означення лікаря.

5. *Сатрапи* — намісники царя в давній Персії, правителі провінцій, що мали там майже необмежену владу. Через свавілля й жорстокість сатрапів це слово перетворилось на символ самовладного правителя.

Тут мова йде про оренбурзького військового губернатора і командира Окремого Оренбурзького корпусу графа Перовського В. О. (1794—1857). Бувши оренбурзьким губернатором, Перовський визначався як жорстокий здійснювач колоніальної політики Миколи І: в інтересах торговельного капіталу, будував фортеці в оренбурзьких степах, запровадив пароплавний рух на Аральському морі, придушував повстання „інородців“.

6. *Конфірмація* — (лат. слово) затвердження, в даному випадку затвердження вироку.

7. *Кроніон*, або інакше Зевс, Юпітер — головний, наймогутніший бог у давніх греків і римлян, бог неба. Маючи владу над різними си-

дами природи, він за тими стародавніми віруваннями, міг збирати й розганяти хмари. Звідси епітет, що вживає Шевченко до нього — „тучегонитель“.

8. *Ескулап*, — бог лікарування за античною міфологією. В переносному розумінні слово ескулап прикладалося до лікарів.

9. *Профос* — нижчий військовий чин. За законодавством Петра I, профоси виконували у війську поліційні обов'язки, — на них був покладений нагляд за арештантами, виконання тілесних кар. До них ставилися з зневагою. Звідси лайливе — „прохвост“.

10. *Шпіцрутени*, або „зелена алея“ — тілесна кара в царській Росії, запроваджена 1701 року і скасована 1863 року. Засудженого до цієї кари повільно вели між двома рядами салдатів, які по черзі били його довгими гнучкими палками, так званими шпіцрутенами. За законом, число ударів можна було призначати від 100 до 12.000. Більшість засуджених до цієї кари гинули під ударами.

11. *Немезіда* — за віруванням давніх греків богиня помсти.

12. *Шаховський* (1777—1846) — популярний у свій час серед російського дворянства драматург. Написав понад 100 п'єс. Жодна з них не залишила особливо значного сліду в історії російської драматургії.

13. *Афанасьев-Чужбинський О. С.* (1817—1875) — письменник із кіл дрібно-маєткового панства. Типовий представник української поміщицької літератури, що наскрізь була просякнута цареслав'ям, урапатріотизмом. Шевченкові Чужбинський присвятив вірш — „Гарно твоя кобза грає“. В цьому вірші він вихваляє Шевченка за ту націоналістичну романтику, що позначилась на Шевченковій творчості першого етапу. Чужбинський написав також „Воспоминання о Т. Г. Шевченке“. З великим замилюванням змальовано в спогадах життя тих панських салонів, де доводилося бувати Шевченкові. Ідейне обличчя поета-революціонера тут грубо спотворене: Чужбинський ставить Шевченка на один рівень з його панським оточенням. „Воспоминання о Т. Г. Шевченке“ — один з найпоказовіших документів буржуазно-поміщицької фальсифікації постаті Шевченка.

14. *Тредьяковський* (1703 — 1769) — один з перших в Росії теоретиків віршування, разом бездарний придворний поет. Писав хвалебні вірші, т. зв. оди, присвячені царям та визначним державним діячам того часу. Його твори позначені пишномовністю, відсутністю художнього смаку, низькопоклонством перед урядовими особами.

15. *Сектантські вчення* в тій мірі, в якій вони були скеровані проти офіційної, панівної

церкви та проти феодально - дворянського ладу в цілому, були небезпечні для царату. Тому царат, особливо у XVIII і в XIX ст., жорстоко переслідував сектантів - розкольників. Розкольників дуже багато було серед козаків, зокрема серед уральських. Додержуючи старовинного російського звичаю допетровської епохи, розкольники носили бороди.

16. *Андрій Обеременко* — Шевченків товариш, рядовий солдат із селян, родом з України. Шевченко мав багато друзів саме із селян-кріпаків, солдатів, панських слуг. У щоденнику згадує він ще про одного свого товариша, солдата Скобелева. Знаємо також, що поет уже після повороту до Петербурга, близько зійшовся із слугою свого знайомого Костомарова — Хомою. Можливо, що такі знайомства були для Шевченка передатними ланками в його революційно - пропагандистській роботі, якої він не кидав навіть у засланні.

17. *Іраклій Олександрович* — Усков, комендант Новопетровської фортеці. До Шевченка ставився прихильно. В родині Ускових Шевченко був бажаним гостем. Донька Ускова, Наташенька, як її називав поет, написала про Шевченка спогади.

18. *Кремль* — середньовічна фортеця в Росії. Найбільші кремлі — в Москві, Нижньому - Новгороді, Казані, Пскові, Ростові (Ярославському).

19. *Венеція* — дуже мальовниче місто, розташоване на 117 островах у Венеціанській затоці (Адріатичне море). Усе місто порізане каналами. Належить воно Італії, але колись було столицею окремої республіки Венеції. Очолювали республіку Венецію правителі, звані дожами.

20. *Босфор* — протока, що з'єднує Чорне море з Мармуровим. Пересічна ширина його 650 м., найбільша — 3,5 км. Босфор в південній частині підходить до затоки Золотий Ріг.

21. *Еллін* — давня назва грека.

22. *Ліврея* — лакейська верхня одежа. В даному разі Шевченко під лакейською одежою розуміє форму, що її носили тодішні чиновники.

23. *Ісади* — старовинна назва для річкових пристаней, рибальських селищ, мілизень, де ловлять рибу. Шевченко слову ісади, очевидно, надає останнього розуміння.

24. *Шопен, Фредерик* (1809 — 1849) — славетний польський композитор. За походженням і становищем дрібнобуржуазний інтелігент. Шопен намагався асимілюватися в дворянському оточенні. Національне пригноблення, що його зазнавала Польща, викликало в музичній творчості Шопена ноти протесту. Основні тони його творів — меланхолія, мрійна сумовитість, трагічний протест. Його музичним п'есам властива глибока ліричність.

25. *Паганіні, Нікколо* (1782—1840) — італійський скрипаль, виконавець і композитор для скрипки. Мистецтво гри на цьому інструменті довів до виняткової тонкості.

26. *Вільноотпущеник* — кріпак, відпущений поміщиком на волю.

27. *Фультон, Роберт* (1765—1815) — спочатку ювелір, потім живописець і, нарешті, винахідник. Винайшов і сконструював пароплав. Перший пароплав Фультона збудований 1807 року в Америці. 1814-19 рр. Фультон збудував перший військовий паровий корабель на 38 тонн.

28. *Уатт, Бенджамен Джеймс* (1736—1819) — шотландський механік, винахідник. Своїми вдосконаленнями парової машини зробив її придатною і вигідною для практичного використання.

29. *Енциклопедисти* — під цим ім'ям розуміють групу ідеологів французької буржуазії, які напередодні революції 1789 р. видавали Велику Французьку Енциклопедію. Виконуючи соціальне замовлення свого класу, вони виступали проти феодальної власності, необмеженої королівської влади, проти системи дворянських привілеїв та проти ідеології феодально-католицької церкви.

30. *Разін, Степан Тимофійович* (у Шевченка помилково Семен Степанович) — проводир революційного козацько-селянського повстання 1670-71 рр. Повстання охопило нижню і се-

редне Поволжя. Здобувши Астрахань та Царицин — Разін рушив угору Волгою, в напрямку до Москви, але коло Симбірська був ущент розбитий царським військом. Повстання придушено, учасників його найжорстокіше покарано. Пам'ять про цю селянську революцію та її проводиря збереглася в численних народніх переказах, легендах. Одну з них і подає Шевченко в щоденнику.

31. Салтиков-Шедрін (1826 — 1889) — „письменник „старої“ народницької демократії“ (Ленін), славетний російський сатирик. В своїх творах Салтиков-Шедрін гостро картав бюрократизм дворянсько-поміщицької держави („Помпадурі і помпадурші“, „Господа ташкентцы“, „Сказки“) розкривав фальш класово-дворянських „гуманних“ реформ Олександра II („Невинныерассказы“ „Сатиры в прозе“, „Признаки времени“, „Письма из провинции“), показував розклад дворянського укладу під впливом капіталізму („Господа Головлевы“, „Убежище Монрепо“). „Губернские очерки“, що ними захоплювався Шевченко, виходили 1856-57 рр. В них з нещадною їдкістю висміяно дореформене чиновництво.

32. Гоголь, Микола Васильович (1809 — 1852) — славетний російський письменник, представник тієї частини дворянства, що під тиском ростущого капіталізму економічно занепадає і розкладається. Як великий художник, Гоголь з

виключною виразністю бачив загнивання свого класу, але не хотів вірити в його історичну приреченість. Гострою сатирою, сміхом крізь сльози, намагався він привернути свій клас на шлях відродження. Тому в найкращих творах („Ревізор“, „Мертві душі“) Гоголь дає глибоко-реалістичні, яскраві картини розкладу дворянства. Проте, всупереч замірам самого автора, цей показ дворянського суспільства діяв проти його ж класу, розкриваючи історичну неминучість загибелі кріпосників. Т. Шевченко, усвідомлюючи цю позитивну роль кращих Гоголевих творів, зокрема „Мертвих душ“, з великою повагою ставився до Гоголя.

33. „Неудобозабываемым Тормозом“ „Неудобозабываемым фельдфебелем“, „коронованным фельдфебелем“ називає Шевченко Миколу І.

34. „Русский Инвалид“ — „газета военная, литературная и политическая“, офіційний орган

воєнного відомства, видавалася з 1813 р.

35. *Інсургенти*. В Китаї 1850 р. спалахнула спрямована проти феодального гніту селянська революція, що охопила мало не всі провінції країни. Повстанці, або інакше інсургенти, 1853 р. захопили одне з найбільших міст центрального Китаю—Нанкін. Революцію придушено лише 1864 р. з допомогою європейських держав.

36. *Молокани*—релігійна секта, що виникла в другій пол. XVIII в. Поява цієї секти зв'язана

з ростом дрібнобуржуазного куркульського капіталу. Молокани заперечували православну церкву та її обряди. Основою своєї релігії вважали виключно так зване „святе письмо“. Названі молоканами через те, що вживали в піст молоко.

37. *Кальвінізм*—релігійне вчення, що виникло в першій половині XVI в. в Зах. Європі і найбільше поширилось у Швейцарії, Шотландії, а також здобуло собі багатьох прихильників у Франції, Нідерландах, Угорщині, Польщі, Німеччині, Англії.

Кальвінізм, як релігійне вчення, становить систематизацію всіх попередніх антикатолицьких вчень і є крайнім запереченням католицької догми та церкви. Кальвінізм, що його класова роль на різних етапах була мінлива, в основному за середньовіччя був ідеологією революційної та опозиційної буржуазії, що виступали проти феодалізму.

В др. пол. XIX в. кальвіністська церква переживає розкол і занепадає.

38. *Ліберали*—представники буржуазії та поміщицтва, що капіталізувалось, ідеологи, за Леніновим терміном, „пруського“ шляху розвитку капіталізму в Росії. Виступаючи проти революційного знесення феодалізму, ліберали несміливо домагалися від уряду реформ, часткових поступок, потрібних для дальшого

розвитку капіталізму. Ленін в статті „Что такое друзья народа“, дає таку характеристику лібералів: „нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерализма. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ „по возможности“, продолжает тем, что клянчит „ну, хоть чтонибудь“ и кончает вечной и незыблемой позицией „применительно к подлости“.

39. Сапожников О. О. — ліберал, астраханський рибпромисловець і мільйонер, „бриллиантовая звезда астраханского горизонта“, як іронічно каже про нього сам Шевченко в щоденнику.

40. Ману. — За індуськими легендами, родоначальник індусів та європейських народів, що врятувався від всесвітнього потопу; син сонця і перший індуський цар.

41. Вішну — один із головних індуських богів, вседержитель світу.

42. Іскандер — приbrane ім'я відомого російського революціонера Герцена (1812—1870) — „Герцен належав до покоління дворянських, поміщицьких революціонерів першої половини минулого століття“ (Ленін). З 1847 року, виїхавши за кордон, видавав у Лондоні „Полярную звезду“ (1855—1869) і „Колокол“ (1857—1867). Герцен виховав ціле покоління російських революціонерів. Проте він іноді скочу-

вався на манівці лібералізму. Див. про нього Леніна „Пам'яті Герцена“, XV том, соч., II видання.

Шевченко дуже шанував Герцена, як революціонера.

43. *Анненков І. О.* (1802 — 1878) — був учасником Північного товариства декабристів. Обвинувачено його в тому, що він „участвовав в умысле цареубийства согласиєм“. Дістав 20 років каторги, але 1835 р. його звільнено від каторжних робіт і залишено на поселення в Сибіру. На початку царювання Олександра II Анненков повертається із Сибіру й оселяється в Нижньому Новгороді.

44. *Тургенев М. І.* — (1789—1871) — відомий рос. публіцист, належав до Північного союзу декабристів, участі в повстанні 14 грудня 1825 р. не брав, бо саме в цей час лікувався за кордоном. Наказу Миколи I повернутися зза кордону і стати перед судом не послухався, і його засуджено заочно до смертної кари, але за конфірмацією замінено цю кару на довічну каторгу. По смерті Миколи I присуд було скасовано і Тургенев мав змогу приїхати в Росію. За кордоном написав французькою мовою книгу в трьох томах „Россия и русские“. В книзі дано широку характеристику економічного, суспільного життя Росії сер. XIX в. Очевидно, про цю книгу говорить Шевченко в щоденнику.

45. *Шрейдерс К. А.* — один із знайомих Шевченка в Нижньому Новгороді, чиновник особливих доручень при Новгородському губернаторі; з Шрейдерса Шевченко малював портрет.

46. *Апостолами - мучениками* називає Шевченко п'ятьох декабристів, керівників Південного та Північного Союзу: Муравйова - Апостола, Бестужева, Каховського, Пестеля і Рилева, що їх за вироком Миколи І повішено в Петропавловській фортеці 13 липня 1826 року.

47. *Овсянніков П. А.* — один із Шевченкових знайомих у Нижньому Новгороді — архітектор; з нього Шевченко писав портрет.

48. *Коробочка* — персонаж із повісті Гоголя „Мертві душі“. В образі Коробочки Гоголь дав тип туподумної, скупой і зажерливої поміщиці.

49. *Ансамбль* — склад акторів даної вистави.

50. *Апокаліпсис* — одна з „священих“ книг христیان. Це виклад, немов би, божественних таємниць, откровення про останні дні світу, про його загибель.

51. *Неофіт* — людина, що недавно прийняла певну релігію. В переносному розумінні слово неофіт прикладають до людини, що недавно засвоїла нові переконання.

52. *Даль В. І.* — (1801 — 1872) — російський письменник і збирач усної словесності, автор „Толкового словаря живого великорусского

языка". Шевченко познайомився з ним у Нижньому-Новгороді.

53. *Теологія* — грецьке слово, в перекладі — богословіє. Вчення, що намагається звести в систему уявлення про бога. Богословіє не є наука, бо воно виходить з ненаукового припущення про реальність цілком фантастичних істот (богів і підвладних їм духів).

54. *Михайло Семенович* — це найближчий друг Шевченка, *Щепкін* (1788—1863), видатний актор - реаліст, виходець із кріпаків. *Щепкіна* й Шевченка зв'язувала спільність їхнього соціального походження, однаковість їхніх поглядів на суспільну роль мистецтва. Коли, повертаючись із заслання, Шевченко примушений був спитися на довгий час у Нижньому - Новгороді, чекаючи дозволу виїхати у столицю, до нього в гості на кілька днів із Москви приїздив щепкін. І це були найщасливіші дні для Шевченка, про які він з захопленням говорить у *Щоденнику*.

55. Тут Шевченко вписує до щоденника революційну байку невідомого автора. Під хазяїном тут виведено царя Олександра II, що хотів „розкопуванням помийної ями“, тобто поміщицько - дворянською реформою „звільнення“ селян від кріпацтва, запобігти селянській революції. Байка закликає до революційного знесення всього панівного ладу. Саме цим вона й подобалася Шевченкові.

56. *Курочкін В. С.* (1831 — 1874) — російський письменник 60 рр. революційний демократ, видавець сатиричного журналу „Искра“. Визначився своїми перекладами революційних поезій французького поета Беранже. Політична актуальність цих перекладів дала Курочкіну велику популярність серед революціонерів-шестидесятників. Шевченко переписав у щоденник переклади Беранже, що ширилися за його часів у рукописних списках. 1858 р. Шевченко познайомився з Курочкіним і став йому близьким другом.

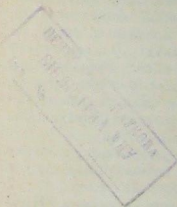
57. *Беранже, Пьер-Жан* (1780 — 1857) — поет французької революційної дрібнобуржуазії. Культивував форму вуличної пісні — куплета. Написав багато влучних поетичних сатир на соціально-політичний уклад Франції після реставрації. Свої поезії — пісні Беранже сам називає стрілами, пущеними в трон, церкву, бюрократію та буржуазію. Для творчості Беранже характерні також мотиви возвеличення праці, дрібнобуржуазні мрії — утопії.

58. *Адлерберг В. Ф.* — улюблений ад'ютант Миколи I, що уславився своєю розпущістю; з 1852 р. — міністр царського двору.

59. 8 березня, одержавши перепуск, Шевченко виїхав до Москви, а 27 прибув до Петербургу. Ермітаж — художній музей в Петербурзі, де зібрано багато пам'яток мистецтва

майже всіх країн і часів, зокрема Заходу і Сходу. До 1853 року Ермітаж вважався особистою власністю царя, „неудобозабываемого дрессированного медведя“, як зве Миколу 1-го тут Шевченко.

60. Каменецький—завідувач друкарнею Куліша, де Шевченко збирався друкувати свої поезії.

З М І С Т

	Стор.
Передмова — Ю. Блохин	3
Уривки з „журналу“	23
Примітки	79

31106

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА

БІБЛІОТЕКА

